

2008/4 (26)

РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РАН

2008/4 (26)

НАУКА ОБЩЕСТВО ЧЕЛОВЕК

Вестник
Уральского
отделения РАН

* Окончание.
Начало — 2008. № 3 (25).

«ТАКИЕ УЧЕНЫЕ РОЖДАЮТСЯ РАЗ В СТО ЛЕТ»*

Е. А. Кешман

Отцы-основатели. Медико-генетический институт

Отдельная страница истории отечественной генетики человека — жизнь и деятельность Соломона Григорьевича Левита (1894–1938).

...В 1928 году в СССР было создано Общество расовой патологии (ОРП).

Конечно, понятно, какие ассоциации могут родиться сегодня от этого словосочетания — «расовая патология». Но тогда «расовая гигиена» и «расовая патология» были общепринятыми обозначениями того, что ныне мы бы назвали организацией санитарно-гигиенических мероприятий для изучения наследственных болезней в популяции человека.

Раса — это для медиков и гигиенистов именно «популяция человека».

Расовой патологией называлась общепризнанная сегодня наука «медицинская генетика», выделившаяся из генетики человека в качестве автономной области исследований.

Русское евгеническое общество, которое ставило перед собой прежде всего просветительские задачи, выполнило их в большей или меньшей степени к концу 1920-х годов, и на новом этапе развития уже необходимо было выработать стратегию медико-генетических исследований.

Вот почему и возникла идея создания научного общества... Цель создания — объединение ученых, изучающих географическое распространение болезней и связь патологических форм с расовыми (мы бы сказали — «популяционными») особенностями человека.

В ОРП приняли участие ученые, которые всегда позиционировали себя как противников традиционной гальтоновской евгеники.

Например, С. С. Четвериков и Н. В. Тимофеев-Ресовский не признавали евгенику прежде всего потому, что были людьми

религиозными. Человек — творение Божье, а не вещь, и поэтому говорить об изменении, пусть даже об улучшении природы человека, созданного «по образу и подобию», — неприемлемо.

А С. Г. Левит, будучи правоверным марксистом-ленинцем и посему «антирелигиозным», отвергал евгенику прежде всего потому, что судил о ней на основании своих знаний о «магистральной» американской евгенической мысли и практике.

Все они не хотели, чтоб их имена стояли рядом с именами тех «евгеников», которые запятнали себя расизмом и антидемократизмом.

Но они в той или иной мере разделяли взгляды ученых-генетиков, заложивших основы генетики человека в нашей стране. Именно поэтому и Четвериков, и Левит стали одними из инициаторов создания этого общества...

ОРП ставило перед собой конкретные задачи — изучение изолированных популяций Кавказа и Средней Азии, генетики различных эндемичных заболеваний и т. д. (Доклады об этом, прочитанные на заседаниях, затем печатались в Русском евгеническом журнале.)

В то время С. Г. Левит заведовал Кабинетом наследственности и конституции человека, ставшим в 1930 году Медико-биологическим институтом, а в 1935-м — Медико-генетическим. Это было делом жизни выдающегося ученого.

Сегодня поражает, насколько ясно представлял Соломон Григорьевич пути развития медицинской генетики — науки, само название которой было еще не сформулировано. Вот тогдашние основные задачи:

- составление топологической карты хромосом человека (задача, поставленная Т. Морганом, а в конце XX века ее решал проект «Геном человека»);

С. Г. Левит

– изучение географического распределения болезней и патологических форм в связи с расовыми особенностями человека в генофонде многонационального населения СССР (популяционно-генетические идеи С. С. Четверикова);

– дифференциация патологических форм по данным генетики (на основе идей Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова);

– изучение генетической гетерогенности нозологических единиц (идеи С. Н. Давиденкова)…

В том же 1930 году С. Г. Левит в ходе «дискуссии биологов-материалистов» подвергается критике как «меньшевистствующий идеалист», после чего он уезжает по Рокфеллеровской стипендии в США к Г. Мёллеру.

А вернувшись в начале 1932 года, Левит неожиданно узнал: он больше не директор МБИ.

Соломон Григорьевич – деятельный и очень активный человек – добился, сумел добиться восстановления на этом посту. И поистине с невероятным энтузиазмом он стал заниматься организацией генетических исследований в МБИ – клинико-генетических, близнецовых, цитологических…

Именно в 1932 году С. Г. Левит пригласил уже битого и на всю жизнь выстоевшего двадцати четырехлетнего В. П. Эфроимсона на работу в свой институт.

Владимир Павлович спустя полвека вспоминал: ...*Левит предложил мне оставить зоогенетику, дрозофилинию и идти в его институт. Его уговоры я оборвал сразу, выхватив из кармана рукопись о частоте мутаций у человека. Прямо как в сказке! Он был обрадован и очень... Впоследствии он обмолвился обо мне: «Дельный малый»...*¹

Однако поработать в институте Левита Эфроимсону суждено было очень недолго: в конце декабря 1932 года его арестовали и отправили на три года в концлагерь. Якобы «за участие в террористической контрреволюционной организации»…

15 мая 1934 года в Москве состоялась первая в мире конференция по медицинской генетике, в программе которой были доклады Г. Мёллера, Н. К. Кольцова,

С. Г. Левита, С. Н. Давиденкова (крупнейший нейрогенетик) и других ученых.

(Кстати, на Западе первый международный конгресс по генетике человека состоялся лишь в 1956 году.)

Вот заключительные слова в докладе С. Г. Левита на московской конференции: «На наш великий Союз выпала честь превратить то чахлое оранжерейное растение, которое вырастил капиталистический мир и которое получило у нас название “медицинская генетика”, в крепкое дерево, в крупную науку, свободную от отвратительных наростов, созданных расистами и буржуазными евгенистами, и служащую делу социализма, делу советского здравоохранения»².

В резолюции той конференции предлагалось учредить исследовательские центры при крупных клиниках и НИИ, кафедры на курсах усовершенствования врачей и в медвузах, а также издать учебник по медицинской генетике и цитологии, расширить аспирантуру и т. д.

С. Н. Давиденков в выступлении рассказал о своих впечатлениях от встречи с врачами, которым он прочитал курс лекций по медицинской генетике в Ленинградском институте усовершенствования: «Я могу засвидетельствовать о совершенно исключительном интересе, который обнаружили слушатели к этому курсу, равно как и о том, что степень их неподготовленности превзошла все мои ожидания».

Он предложил несколько мер по просвещению врачей:

«1. Необходимо ввести преподавание общей и медицинской генетики в наших медвузах и в особенности в институтах для усовершенствования врачей.

2. Ввиду необходимости приступить к организации в СССР медико-генетической консультации необходимо озабочиться воспитанием соответствующих квалифицированных кадров для этой работы...»

По результатам конференции институту Левита было поручено составление учебника по медицинской генетике, в который должны были быть включены следующие разделы:

– основы современной генетики (с об-

¹ В. П. Эфроимсон: Неожиданная автобиография. Письма В. П. Эфроимсона дочери Л. В. Ферри // Человек. 2008. № 4.

² Цит. по: В. В. Бабков. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики. М., 2008. С. 619.

рашением особого внимания на генетику человека);

- основные проблемы медицинской генетики;

- методы сортирования материалов по генетике человека;

- методы генетического анализа человека;

- вопросы медицинской кардиологии;

- критика буржуазных расовых и евгенических теорий...

(Такой учебник действительно появился. Но – лишь в 1964 году. Его написал В. П. Эфроимсон.)

Медицинская генетика – «в начале ее взлета»! – была ликвидирована в СССР по прямому указанию Сталина.

5 июля 1937 года С. Г. Левит был снят с поста директора МГИ, 13 июля уволен из своего института, а в ночь с 10 на 11 января 1938-го арестован и 17 мая приговорен к смертной казни «за терроризм и шпионаж».

Расстрелян Соломон Григорьевич был 29 мая 1938 года, а реабилитирован 5 сентября 1956-го...

Главу о Левите В. В. Бабков заканчивает так: «Герман Мёллер называл Левита “сверкающий интеллект”; в английском языке это выражение соответствует нашему “гений”».

Отеческая забота. Акт второй

Первой научной дискуссией, посвященной конкретно вопросам генетики, была дискуссия 1935 года.

Она достигла кульминации на IV сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936-го.

В. В. Бабков: ...*Дискуссии были желательны начальству для настраивания всех на единый взгляд, необходимый для коллективного усилия.*

...*Дискуссия обычно быстро приводила к желаемому результату путем официальной поддержки угодной линии и официального раздражения неугодными взглядами.*

На этой сессии Н. К. Кольцов прямо поставил вопрос: «С чем строить сельское хозяйство – с генетикой или ламаркизмом?»

После опубликования в исковерканном виде материалов сессии в «Правде»

Николай Константинович писал президенту АН СССР А. И. Муралову: «...Заменить генетику дарвинизмом нельзя, как нельзя заменить алгеброй (конечно, и обратно). Полвека в науке – большой период, и нельзя Советскому Союзу хотя бы в одной области отстать на 50 лет... Невежество ближайших выпускников агрономов обойдется стране в миллионы тонн хлеба...»

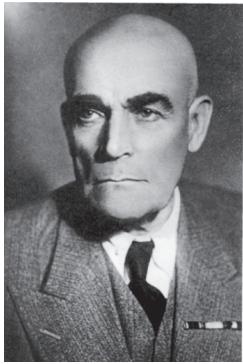
Однажды в ответ на критику лысенковцами генетики Кольцов, чуть перефразируя, привел последнюю строфу «Послания к М. Н. Логинову» А. К. Толстого:

Брось, товарищ, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Никакою пробкой!..

На этой же сессии Герман Мёллер, повторяя логику Ю. А. Филипченко, подверг убийственной критике идеи Лысенко-Презента о наследовании приобретенных признаков как «рациональную основу расизма»: ...*Если наши выдающиеся практики будут высказываться в пользу теорий и мнений, явно абсурдных для каждого обладающего хотя бы элементарными знаниями в генетике, как положения выдвинутые недавно Презентом, Лысенко и их единомышленниками, то ученые, являющиеся друзьями СССР, будут глубоко шокированы, ибо в данном случае стоящий перед нами выбор аналогичен выбору между знахарством и медициной, между астрологией и астрономией, между алхимией и химией.*

Наконец, необходимо отметить, что если ламаркизм, идейная группа которого боролась здесь против генетики, получит широкое распространение, то этим была бы создана благодатная почва для сильной идеологической поддержки претензий фашистов, верящих в сохранение зародышевой плазмы.

Должен казаться совершенно естественным вывод, что поскольку пролетарии всех стран, и особенно колониальных, в продолжение долгого времени были в условиях недоедания, болезней при отсутствии возможностей для умственного труда и фактически были рабами, то они должны стать за это время по своим на-

С. Н. Давиденков

³ Мёллер Г. Выступление на сессии ВАСХНИЛ (19–27 декабря 1936 г.) // РГАЭ. Ф. 8390, оп. 110 № 763, лд. 210–212.

⁴ Архив РАН. Ф. 450, оп. 3. ф. У. х. 1.

следственным задаткам и биологически низшей группой по сравнению с привилегированными классами как в отношении физических, так и умственных черт. Ведь согласно этой теории подобные фенотипические признаки должны были в некоторой степени отразиться и в половых клетках, развивающихся как часть соматических тканей.

То обстоятельство, что эта порочная и опасная доктрина была бы логическим следствием ложных ламаркистских предпосылок, которые в настоящее время выдвигаются противниками генетики, должно заставить взяться с особенной резкостью поддерживать перед всем миром критическую научную концепцию наследственности и изменчивости. Обострение борьбы с фашизмом, свидетелями которой мы в настоящее время являемся, делает это особо настоятельным...³

Но у власти был свой взгляд и на научные истины, и на то, с кем надо «строить сельское хозяйство», и на...

Она, власть, уже практически завершила «обработку» Академии наук.

Президентом АН был назначен В. Л. Комаров, который, например, в докладе к 20-летию Октябрьской революции ничтоже сумняшеся произнес, что «Академия весь этот период была рассадником контрреволюции».

В апреле 1938-го он предложил Общему собранию список из 21 члена Академии для исключения, то есть для арестов. И уже естественно, что весь список этот был легко утвержден...

29 октября 1938 года ИЭБ (Институт экспериментальной биологии) был переведен в Академию наук, штат его резко сокращен.

А в печати развернулась беспрецедентная травля Н. К. Кольцова, вершиной, пиком которой стало появление 11 января 1939 года в «Правде» статьи академика А. Н. Баха и др. «Лжеученым не место в Академии наук», где Николай Константинович прямо был назван контрреволюционером и фашистом.

13 января Кольцов пишет письмо Сталину, понимая, что только тот мог санкционировать эту травлю. Заканчивает он

так: «...Мне 66 лет, и я спокойно отношусь к тому, где и при каких материальных условиях мне придется прожить немногие оставшиеся годы моей жизни, не заслужено оплеванным в глазах миллионов советских граждан. Но, конечно, мне жаль, очень жаль своего института, если он будет разрушен, жаль потому, что я считаю его ценным для развития биологической науки в Советском Союзе, а также потому, что я очень люблю работающую в нем с великим увлечением молодежь»⁴.

Николай Константинович порывался выступить в «Правде» с объяснением задач и целей генетики, хотел донести до «миллионов советских граждан» слова истины.

Но «тот, кто мыслит иначе, не получит ни клочка бумаги, ни угла...» Так один из этих миллионов в «письме читателя» сформулировал советское отношение к инакомышляющим, т. е. просто к мыслящим и делающим какие-то свои выводы.

Медико-генетический институт уже разгромлен... Правда, С. Н. Давиденков продолжал активно заниматься невропатологической генетикой.

Однако вот что сказал он в докладе на совещании по генетике и селекции в редакции журнала «Под знаменем марксизма» 13 октября 1939 года: ...Доцентура по генетике, которая была в Ленинградском институте усовершенствования врачей, уничтожена, и вообще атмосфера очень тяжелая. Вы чувствуете себя так, как будто протаскиваете враждебную идеологию, и часто кто-нибудь дает дружеский совет... Я недавно получил такой дружеский совет от одного видного врача по нашей специальности: «Я Вам посоветую, бросьте заниматься генетикой; слово “наследственность” нельзя произносить»...

Впечатляет?

За полгода до этого, в марте 1939-го, Президиум АН образовал специальную комиссию для ознакомления с работой ИЭБ и его директора.

И недаром деятельность этой комиссии названа В. В. Бабковым «судом инквизиции»... Исчерпывающее точное и емкое определение!

Комиссия должна была заставить Кольцова публично, во всеуслышание отречься от своих научных взглядов.

Вот постоянно спешивший выслушаться академик Бах вопрошаєт: «Как Вы расцениваете Ваши евгенические работы и какие пути критической оценки той деятельности Вы сами намечаете?»

Кольцов отвечает: «Я не знаю, что значит “пути критической оценки”... Если Вы думаете требовать от меня какого-нибудь отречения, то я отрекаться не буду. Это было историческое время. Я в Уриэля Акосту превращаться не буду и отрекаться не буду».

На этом суде (инквизиция!) звучит, разумеется, и тема «наследственность или среда».

Вот главный советский академик Комаров обвиняет, ссылаясь на «Исаику» – Презента: «...Он говорит, что у Вас было обращено недостаточное внимание на влияние внешних условий на процесс наследственности».

Кольцов отвечает: «Он говорит, что можно кормлением превратить таракана в лошадь».

Как будто никто из присутствовавших – о, Боже! – даже не попытался улыбнуться...

В заключительной части выводов комиссии сказано: «...Следует признать, что если он [Кольцов] не выступит открыто и развернуто с критикой своих прежних мракобесных писаний и не вскроет их теоретических основ, то оставлять его на высоком посту члена-корреспондента Академии наук СССР и академика ВАСХНИЛ, а также директором института нельзя, политически недопустимо».

«Особь с врожденным фактором независимости» (так Кольцов сам охарактеризовал себя), он не отрекся, не покаялся! И его почему-то не арестовали. В. В. Бабков считал, что Сталин все же оценил мужество и стойкость Николая Константиновича...

Правда, жить Николаю Константиновичу и так оставалось уже недолго: Кольцов умер 2 декабря 1940 года. Официальная причина смерти – инфаркт и после-

дующая врачебная ошибка, которая привела к тромбоэмболии...

Мария Полиевктовна у гроба мужа – перед тем как принять яд – записала: «Сейчас кончилась большая, красивая, цельная жизнь. Во время болезни как-то ночью он мне ясно сказал: “Как я желал,

В. П. Эфроимсон.
1932 год

В. П. Эфроимсон.
1942 год

чтобы все проснулись, чтобы все проснулись”...»⁵

Отеческая забота. Акт третий

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года... Если о каком-то событии из истории отечественной генетики и было известно более-менее широкой советской публике, то это, конечно, о ней.

Еще бы! На ней, на этой сессии, была полностью разгромлена и официально запрещена в Советском Союзе наука «генетика». Время даже не остановилось, а отшагнуло далеко назад – в Средневековье. (Вот где прозябала, чахла, стыла наша биология в середине XX века.)

Бал правил «народный академик» Т. Д. Лысенко – настоящий символ наглой невежественной силы в науке, ее губитель, не останавливавшийся ни перед чем. И как в средних школах, так и в университетах преподавалась только «единственно верная мичуринская биология».

Читатель! Это неотъемлемая часть целиного, воинственно существовавшего и

⁵ Цит. по: Полянин В. М. Пророк в своем отечестве. М., 1969. С. 126.

побеждавшего при жизни многих из нас. И это должны, обязаны знать наши внуки, у которых будут свои внуки. Мы уже не имеем права снова и снова наступать на грабли.

Августовская сессия ВАСХНИЛ служит ныне символом позора советской науки. Но она лишь торжествующе подвела итоги предшествующего более чем десятилетия советской научной жизни (выступление И. А. Рапопорта, разумеется, не в счет).

Почему в 1948 году восторжествовало это мракобесие?

По-моему, оно восторжествовало прежде всего потому, что в его рядах были, кроме Лысенко и Презента, бывшие кольцовские ученики Б. М. Завадовский, Н. И. Нуждин и подобные им, которые угодливо направляли «руку марсианина».

Н. К. Кольцов и Ю. А. Филиппенко умерли еще своей смертью, а Н. И. Вавилов, С. Г. Левит, Г. А. Левитский, Г. Д. Карпеченко, Н. К. Беляев и некоторые другие генетики «были уничтожены как враги народа».

Из ссылки так и не был возвращен в Москву С. С. Четвериков (он умер в 1959 году в Горьком, нынешнем Нижнем Новгороде).

Н. В. Тимофеев-Ресовский после 1945 года, когда его арестовали в научном Берлин-Бухе как невозвращенца, сначала находился в Москве на Лубянке (кстати, там он познакомился с А. И. Солженицыным, что отражено в «Архипелаге ГУЛАГ»), затем чудом уцелел в смертном Карагандинском концлагере (ни читать, ни писать ему после этого уже не пришлось), затем 8 лет работал на одной из челябинских атомных шарашек, где заботился о возможной советской атомной безопасности. (Известно, что в тот период Николай Владимирович мог реально претендовать на получение Нобелевской премии в области биологии, однако адрес претендента не был тогда обнаружен. Лауреатами становились иностранные друзья-коллеги, соратники, ученики.)

Его единомышленник, будущий товарищ и друг В. П. Эфроимсон, успевший после окончания первого лагерного срока, несмотря на поражение в правах и

невозможность проживать в крупных городах, за три дня до 22 июня 1941 года защитить кандидатскую диссертацию, затем практически сразу на всю беспощадную войну уйти на передовую, а после победы защитить и докторскую (обе диссертации были посвящены, увы, не генетике человека, а генетике шелковичного червя), в 1949 году был снова арестован и осужден на 8 лет пребывания в лагерях. (Освободившись в 1955-м, Владимир Павлович посчитал первым своим долгом восстановить все те доводы против деятельности Лысенко, которые оказались, мягко говоря, несвоевременными в 1948-м. На этот раз докладную записку «О вреде, нанесенном “новаторством” Лысенко народному хозяйству» он передал сразу в Генеральную прокуратуру СССР...)

Другие нераскаявшиеся генетики в лучшем случае зарабатывали на жизнь в различных отраслевых лабораториях.

Все эти ученые на долгие годы были лишены самой возможности заниматься своей наукой.

Доктор биологических наук М. Д. Голубовский, другой авторитетный историк советской генетики и сам генетик, пишет: *...Дух времени передает приказ министра высшего образования Кафтанова от 23.08.1948 года: «Обеспечить коренную перестройку учебной и научно-исследовательской работы в направлении вооружения студентов и научных работников передовым прогрессивным мичуринским учением и решительного искоренения реакционного идеалистического вейсманистского (менделевско-морганистского) направления»...*

Были сразу уволены десятки и сотни ведущих профессоров и преподавателей. Из библиотек изымались и уничтожались по спискам биологические книги, основанные на менделевской генетике. Пламя погрома перекинулось на цитологию, эмбриологию, физиологию и достигло даже таких отдаленных областей, как квантовая химия⁶...

Наверное, многим, очень многим в советской стране тогда казалось, что именно так будет всегда.

Однако после внезапной, нежданной

В. П. Эфроимсон.
1960-е годы

⁶ Голубовский М. Д. История и будущее генетики в России // Вестник. 1999. № 3 (236).

смерти Сталина «отеческая рука марсианина» немного ослабила хватку.

Но лишь после падения осенью 1964 года Хрущева наконец все-таки рухнул и рассыпался на множество составляющих (естественно, буднично, тихо) могущественный «народный академик».

Как будто наступало, должно было наступить время ренессанса и для общей генетики, и для генетики человека, и для медицинской генетики.

Однако если оно, это время, и наступило, то очень и очень нескоро...

Вернемся на минуту-другую назад: в марте 1937-го Герман Мёллер на окончательном пути из Москвы остановился в Берлин-Бухе у Н. В. Тимофеева-Ресовского.

В. Б. Бабков: ... он передал Н. В. настоящие пожелания Кольцова и Вавилова, чтоб тот, несмотря ни на что, сейчас не возвращался.

...Мёллер восхищенно рассказывал Н. В. о прекрасных молодых советских генетиках. Однако «я сомневаю... – вдруг сказал он почти по-русски, – я сомневаю Дубинина и Нуждина».

Оба тогда – верные ученики Кольцова.

Правда, Нуждин уже скоро поставил свою подпись – вслед за академиком Бахом и прочими верными научными служителями Лысенко – под погромной статьей о Н. К. Кольцове в «Правде», что открыло, распахнуло перед ним карьерную дверь. Так, на августовской сессии ВАСХНИЛ он – один из ведущих действующих лиц, соратник и сподвижник Трофима Денисовича. И это его впоследствии небывало сверхскандально «прокатили» на выборах в АН СССР, в результате чего у Хрущева состоялся разговор с тогдашним президентом Академии наук М. В. Келдышем, чуть было не закончившийся «закрытием» ставшей снова непокорной АН.

Конечно, таких людей, как Нуждин (пусть меньшего калибра), в советской науке хватало.

А вот история с Дубининым – особая... Что, например, заставило Мёллера «сомневаться» его? Трудно, невозможно отыскать на это ответ.

Впрочем, уже 15 января 1939 года на

общем собрании научных сотрудников кольцовского института Николай Петрович Дубинин выступил открыто против Кольцова, то есть отрекся от своего учителя...

Что же произошло в советской генетике после падения Лысенко?

В. В. Сахаров и
Н. В. Тимофеев-
Ресовский

И здесь я позволю себе привести большой отрывок из интервью, взятого мной у Владимира Павловича Эфроимсона на кануне его 80-летия.

Итак: *...В любой отрасли науки, в том числе и в биологии, должно всегда развиваться несколько направлений. В этом залог успешного развития науки.*

Как только появляется поддержка одного направления, как только один учёный становится вне критики, получает полную власти, – тут же возникает перекос, зажим других направлений, что в целом оказывается на исследованиях губительно. Вот почему монополизм в науке столь страшен – он ведёт к неизбежной деградации.

...Первой книгой, посвященной истории нашей генетики, оказалась выпущенная в 1973 году в Политиздате автобиография Николая Петровича Дубинина «Вечное движение», вскоре вышедшая и вторым изданием.

И я понял, почему это издательство вдруг так расцедрилось. Ведь когда уби-

рали Хрущева, Суслов обвинил его в поддержке, оказанной им Лысенко, без которой тот был бы бессилен...

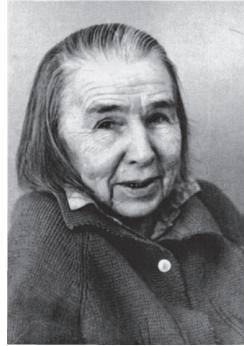
В книге академика Дубинина история с Лысенко показана так, что и винить то в сущности было некого.

Р. Берг. 1936 год.
Фото Г. Мёллера

А. А. Прокофьев-
Бельговская.
1932 год

З. С. Никоро.
1960-е годы

Нигде, ни на одной странице, вы не найдете слов о самом главном – о мошенничестве и фальсификациях.

Такое ощущение, что Лысенко искренне заблуждался. Да еще и некий реверанс: мол-де, Трофим Денисович даже не присваивал себе чужие работы, что другие ученые делали без зазрения совести.

А борьба Лысенко с генетиками – вроде как научный спор...

Это был прекрасный подарок Суслову, которого при моей постановке вопроса могли бы и лично спросить: «А где же Вы сами-то были?...»

Так начался новый этап отечественной генетики.

Место лидера в ней отдали естественно Николаю Петровичу Дубинину.

И он не выдержал испытания славой, испытания единовластием.

Вот профессор Лопашов пишет: «Думаете, главное в лысенковщине – неверные научные представления? Если бы! Они вполне устранимы. Главное – стремление любыми путями захватить власть, командные высоты в науке».

Дубинин стал захватывать власть.

Безусловно, он блестящий лектор и одаренный человек; безусловно, он человек, умеющий разговаривать с начальством на понятном начальству языке. Но

столь же безусловно – безгранично честолюбивый, падкий на славу и жадный.

Я недавно встретился с зарубежным коллегой и спросил его, знает ли он, что в Советском Союзе имеется «Лысенко № 2». Без всяких раздумий он ответил: «Дубинин». Мне оставалось лишь кивнуть головой.

Это трагедия, собственно говоря, общая для всего Советского Союза.

Суть в том, что пока господствовали органы и поддерживаемые ими проходящими типа Лысенко – в науке и не только в науке могли выдвигаться и прилично работать в основном только те люди, которые умели старательно «закрывать глаза» на происходящее, которые знали, как приспособиться к системе.

И система управления наукой оказалась очень удобной для того, чтобы Николай Петрович достиг самых высоких командных постов в советской генетике и монополизировал ее.

Ведь посмотрите: к 1964 году у нас была пара десятков ученых-генетиков мирового класса. Например, Владимир Владимирович Сахаров, который, работая доцентом на фармакологическом факультете медицинского института, сумел «контрабандно» подготовить там несколько десятков хороших генетиков... Первоклассный ученый Антон Романович Жебрак... Имевший два открытия мирового ранга Николай Николаевич Соколов... Раиса Львовна Берг. Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская. Зоя Софроньевна Никоро... Иосиф Абрамович Рапорт, бессстрашно бросивший вызов лысенковщине на сессии ВАСХНИЛ 1948 года... Можно продолжать перечисление долго.

Все эти ученые были теми, кто мог создать свое направление в безграничной области генетических исследований.

Однако почти все они были достаточно измученными и немолодыми кандидатами наук.

Н. П. Дубинин всячески препятствовал выходу этой плеяды на крупную исследовательскую работу: ему не нужны были возвращавшиеся к жизни генетики старшего поколения как возможные конкуренты.

В частности, он приложил немало сил для того, чтобы не дать возможности работать в Москве Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому.

Он, Дубинин, резко сопротивлялся присуждению докторских званий целому ряду генетиков-первоизывников уже в 60-е

рий и отделов получили по 1–2 лаборанта, а сотни научных сотрудников и более тридцати аспирантов были записаны лично за Дубининым – и он большей частью отдал их в распоряжение делающих карьеру довольно пробивных молодых людей, которые принялись разраба-

Н. П. Дубинин

Первый приезд в Москву.
В гостях у
Н. П. Дубинина.
Стоят:
Н. В. Тимофеев-
Ресовский,
Н. П. Дубинин,
А. А. Ляпунов.
Сидят: А. С. Ляпунова,
Е. А. Тимофеева-
Ресовская,
мать Дубинина,
Н. А. Торопанова,
жена Дубинина

годы, и – ирония судьбы! – понадобилось, чтобы бывший лысенковец профессор Столетов, тогдашний министр высшего и среднего образования, убеждал его в необходимости такого шага.

Сам я всегда работал «на отшибе», в стороне от основной группы генетиков и, вероятно, из-за этого считал, что Дубинин пакостит мне из чисто личной антипатии, ничем не обоснованной. Лишь потом я понял, что за этим скрывается «гранд политика».

То поколение генетиков почти не создало своих школ только потому, что Дубинин сумел все возрождение генетики монополизировать.

Основной прием отстранения крупных ученых был до смешного прост.

В 1966 году Н. П. Дубинин стал директором Института общей генетики АН СССР. Казалось бы, именно там должны быть сосредоточены все крупные генетические силы. Но этого не произошло.

А произошло совершенно поразительное распределение штатов и аспирантов, в результате чего «гвардии генетики» Сахаров, Соколов, Сидоров, Бельговский и многие другие прекрасные организаторы, потенциальные руководители лаборато-

тивают банальнейшие темки и создавать видимость научной работы.

В медицинской генетике произошла почти аналогичная история, но к ней я имею, к огромному моему сожалению, самое близкое отношение.

В свое время в Комитете по делам науки и техники возник в числе прочих план предоставить руководящее место в медицинской генетике мне, чтобы я создал куст медико-генетических лабораторий. Я решительно отказался, сославшись на то, что меня остро ненавидят и тогда еще очень сильные лысенковцы, и уже набравший силу Дубинин, что у меня два осуждения, два серьезных срока в прошлом; кроме того, я способен генерировать идеи, безраздельно отдаваться какой-либо из них, забывая обо всем на свете, но организаторских способностей у меня нет, не было и не будет. Я предложил на выбор три кандидатуры, вполне благополучные с точки зрения анкет.

Именно из этих трех и был выбран Н. П. Бочкин.

Перевезя в Москву из Обнинска несколько своих сотрудников, он быстро устроил им и себе докторские степени. И все они стали бешено эксплуатиро-

вать подчиненных и не давать ходу способным дельным людям. Эта компания, получившая название «обнинская мафия», за сравнительно короткий срок выжила из Института медицинской генетики много десятков перспективных исследователей.

Е. С. Саканян,
Н. П. Дубинин.
Подпишет ли Николай
Петрович письмо
советских ученых
о необходимости
полной реабилитации
Н. В. Тимофеева-
Ресовского?

При этом Бочков делал карьеру, заводя в основном личные контакты с нужными ему людьми (однажды подвыпив, он заявил, что «именно таким путем» он «сделает великую карьеру без всякой науки»).

Результатом явилось полное опустошение медицинской генетики и ее плачевное состояние на сегодняшний день...

...Иерархическая структура науки порождает груду уродливых и вредоноснейших явлений. Ведь те люди, которые сосредоточивают в своих руках власть, крепко держат множество приводных ремней, а иногда и самых элементарных плеток, коими можно подстегивать и направлять деятельность массы подчиненных. Я не преувеличу, если скажу, что в нашей науке существует почти феодальная зависимость огромной армии хороших, но по титулу рядовых ученых от возвышающихся над ними хозяев, царьков и настоящих царей.

Дикость ситуации усугубляется тем, что для рядового сотрудника практически нет никаких путей освободиться от этой зависимости. Если даже в Москве «строптивые» ученые иногда по два-три года ходят без работы, то что происходит в небольших городах, где существует лишь один институт, лишь одна лаборатория, в которой разрабатывается именно то направление?

Изгнанный из науки ученый должен уезжать, но куда? А если он и решится бросить свой дом, то кто его примет в другом городе? Ведь шеф, с которым про-

изошел конфликт, дает характеристику... А кроме характеристики, в нашей науке существует и телефонное право, когда судьба решается на уровне начальников первого отдела...

Я думаю: единственный путь – принципиальное изменение всей академической системы.

Настало время отказаться от стереотипов, которые сложились за последние четыре-пять десятилетий.

Настало время понять, что лидер в той или иной области знаний – это не звание и не должность; это прежде всего нетривиально, нестандартно мыслящий ученый, способный увлечь за собой единомышленников.

Настало время отказаться от вассальной зависимости в науке, когда место работы в том или ином институте – это как прописка в том или ином населенном пункте: без разрешения властей ты не сможешь переезжать с места на место.

Пора в корне менять сам принцип оценки научного труда... Мы являемся составной частью мирового сообщества, и пусть труды наших ученых выходят за границы. Зарубежные коллеги в своих серьезных журналах и издательствах, невзирая ни на какие чины и звания, прекрасно оценивают уровень научных результатов.

...Однако я боюсь, что еще будет жива застарелая и скомпрометированная система продвижения на высшие научные этажи, когда обсуждение тех или иных кандидатов идет как бы двумя путями:

– один путь – это когда за человеком стоит только его научный труд, его вклад в ту или иную область знания;

– другой – когда за ним ощущима, слышна, видна мощная поддержка академиков, парторганизации, администрации, чиновничего аппарата (по-прежнему всемогущего и очень сплоченного).

Чтоб получить хоть мало-мальскую независимость для себя и своей школы, ученый тратит колоссальные силы на то, чтобы стать академиком. И чего это стоит, вам может рассказать (если вдруг пожелает) каждый, про-

шедший через «кухню» академических выборов.

А потом все по той же причине – ученики, школа! – они, новые и новые академики, соглашаются с чем угодно или по крайней мере не протестуют против неправедливости.

новится общепринятым и чуть ли не банным, было хорошо понятно и двадцать, и тридцать, и пятьдесят лет назад. И поверьте – не только мне одному. Но вместе с тем...

Самый заслуженный и уважаемый всеми порядочными людьми ученый Со-

Институт
экспериментальной
биологии на
Воронцовом Поле.
Снимок Т. Б. Авруцкой,
наши дни

В результате всего этого теряется самое главное – чистая совесть, чувство собственного достоинства.

Все же нельзя забывать, что никакая благая цель не оправдывает дурные средства. Пойдя на компромисс с собственной совестью, нам будет стыдно потом смотреть в глаза наших учеников...

...Мне очень и очень жаль, что большая часть моей жизни была отдана совсем не тому, чему должна была быть отдана.

Смертельно жаль тех лет, которые отняли лагеря. Смертельно осознавать, что наша страна была ввергнута в такое нечеловеческое испытание, как последняя война. Обидно, что многие годы ушли на борьбу с лысенковским бандитизмом, что многие годы пришлось отдать на расчистку «авгиевых конюшен» в отечественной науке...

Ведь многое из того, что сейчас ста-

ветского Союза Андрей Дмитриевич Сахаров предполагал своей первой программной статье эпиграф из «Фауста» Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!»

Что нужно сделать, чтобы добро победило в этом бою здесь и сейчас?

Этот вопрос особенно остро стоит перед нами. Мы услышали в последнее время уйму хороших слов. Мы узнали (или вспомнили) множество истин, ранее скрытых от большинства из нас.

Человечество преисполнилось надежд на то, что тени Сталина и Гитлера ушли навсегда в прошлое. Но это пока только надежды. Чтобы они стали реальностью, нужно, чтоб слова Гёте стали эпиграфом к каждому нашему дню⁷ ...

Что скажете?

Ровно 20 лет прошло.

100-летие В. П. Эфроимсона уже отмечено. На конференции памяти этого

⁷ См.: Кешман Е. А. Интервью с В. П. Эфроимсоном // Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М., 1998. С. 487–488, 493.

ученого были прочитаны доклады о его вкладе в развитие и восстановление советской генетики, генетики человека, медицинской генетики, иммуногенетики. В конференц-зале Института биологии развития РАН им. Н. К. Кольцова были выставлены портреты наших героев: цвет отечественной науки!

Уверена, собравшиеся (а зал был полон) остро почувствовали и результат «отеческой заботы марсианина» об этой науке, о трудах и судьбах представителей кольцовской плеяды... О, как много они успели сделать! И как мало по сравнению с тем, что сделать могли бы!..

Итоги?

Старая грустная шутка: «Самое главное, чему нас учит история, – это то, что история нас ничему не учит».

...В своей поистине замечательной книге «Трудные годы советской биологии»⁸ доктор биологических наук В. Я. Александров пишет, что «жестокий грандиозный эксперимент по социальной психологии выявил пределы прочности моральных устоев у разных людей и показал хрупкость основ человеческой порядочности».

Естественно, уже давно не осталось в живых никого из тех, кто был генетиком-первопризванным: столетия самых «молодых» как раз сейчас – на исходе первого десятилетия XXI века. Их жизнь занимала служение любимой науке, а по большому счету – служение человеку.

Выпускаются новые и новые книги об истории советской генетики. И становится во многом более понятно, как, в каких условиях рождалась и боролась наша научная мысль. И перед нами неостановимо вырастают во всем своем величии фигуры истинных титанов русской науки, о которых должны знать и обязательно будут знать их соотечественники, чтобы гордиться ими.

Публикуется богатейшее наследие Н. К. Кольцова. Издана наконец в неискоренном виде биография Ю. А. Филиппченко, написанная еще на исходе 1960-х годов его учеником Н. Н. Медведевым. Известна исчерпывающая книга В. В. Бабкова и кинорежиссера Е. С. Саканян о Н. В. Тимофееве-Ресовском, а также, ко-

нечно, их научно-публицистические фильмы о нем (кстати, это благодаря прежде всего этим людям Зубр был полностью реабилитирован). Опубликованы все три «человечьих» книги В. П. Эфроимсона – «Генетика гениальности», «Генетика этики и эстетики» и «Педагогическая генетика». Увидели свет прекрасные воспоминания об И. А. Рапортре...

Но и по сей день в учебниках и методических пособиях при рассказе о советской генетике обычно ссылаются на Дубинина, а не на Кольцова, не на Филиппченко; но и по сей день не утихают споры о том, что влияет на становление личности в большей мере – наследственность или среда; но и по сей день приходится доказывать, что люди рождаются неодинаковыми «от природы» и что эта неодинаковость не означает «неравенство».

Научила ли кого-либо чему-либо эта история одной лишь области человеческого знания? Научит ли?

Не канут ли в Лету имена советских антисоветских генетиков и идеи, рожденные и выстраданные ими?

Есть ли, простите, хоть какие-то основания для оптимизма?

Наступит ли в России Время Человека?

...6 сентября 2007 года выдающийся ученый-мыслитель Вячеслав Всеволодович Иванов выступил в Москве с публичной лекцией «Задачи и перспективы наук о человеке»⁹.

Он отсылает всех заинтересованных в поисках ответа на вопрос о перспективах исследований человека, в частности, к статье В. П. Эфроимсона «Родословная альтруизма» (о читательской буре, разразившейся после опубликования этой статьи в журнале «Новый мир», подробно рассказано в книге В. В. Бабкова).

Вяч. Вс. Иванов: ...Я думаю, надо обратить большое внимание на исследования генетика Эфроимсона. Сейчас очень много работ на эту тему в западной генетике. По-видимому, альтруизм тоже передается наследственным образом.

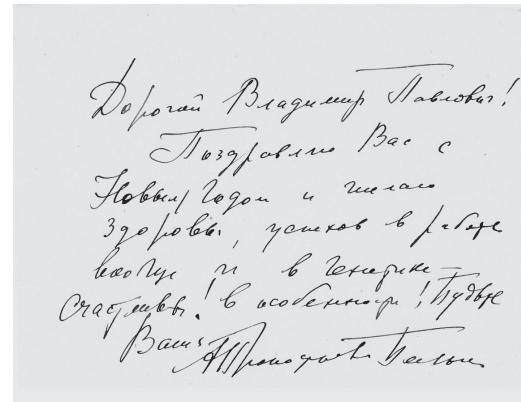
Наличие альтруизма и связанное с ним поведение (например, взаимопомощь), возможно, более существенные для организации обществ, чем различные структуры управления...

⁸ См.: Александров В. Я. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб., 1993.

⁹ См.: Иванов Вяч. Вс. Задачи и перспективы наук о человеке: Лекция в «Би-лингве», 6 сент. 2007 г. // www.polit.ru/lectures/2007/09/17/ivanov.html.

В архиве В. П. Эфроимсона я наткнулась на открытку от А. А. Прокофьевой-Бельговской. Как будто обычное, «типовое» поздравление с Новым (1982-м) годом.

Однако на открытке – фотография набора человеческих хромосом.

«Это мои хромосомы», – приписала Александра Алексеевна.

Два «человечьих» генетика... Цена, заплаченная ими и их коллегами за право изучать эти самые хромосомы... Быстро-течность жизни...

Рассказ о каждом из героев советской «евгенической саги» – это рассказ о трудных, драматических путях борцов за ис-

тину в науке. Это история противостояния с врагом, бывшим не менее жестоким, чем инквизиция. Это история борьбы за право оставаться Свободным Человеком.

Четыре строчки из стихотворения Киплинга (в переводе А. Грибанова), самого

любимого стихотворения Владимира Павловича Эфроимсона, – эпилог этого повествования:

Пусть правда, выстраданная тобою,
Окажется в объятьях подлеца,
Пусть рухнет мир, –
умей собраться к бою,
Поднять свой меч и биться до конца.